

Камеры переключились на двух приглашенных наставников. Цзян Муцянь горько усмехнулся и произнес:

— Знай я, что все обернется так, должен был усерднее практиковаться. На этой неделе я и двенадцати часов в танцевальном зале не провел.

Среди участников поднялся тихий шум. Разбор одной-единственной песни уже изрядно их измотал, а тут съемочная группа припасла «тяжелую артиллерию» — импровизацию. В предвкушении все взоры устремились на маститого Цзян Муцяня: на второго наставника возлагать надежд никто не смел.

— Теперь-то уже поздно, — кокетливо склонив голову, протянул Хань Чжэ.

— Тогда начнем с господина Цзяна, — объявил ведущий.

Порядок выступлений был заранее утвержден съемочной группой — это давало Линь Цинжаню чуть больше времени на подготовку. Конечно, организаторы рассчитывали на триумфальное начало; нельзя же было позволить *тому самому* человеку выйти на сцену, нелепо подергаться и уйти посреди номера.

Свет на сцене медленно погас, лишь один луч выхватил фигуру Цзян Муцяня. Он проследовал от судейского кресла к центру сцены — огромная площадка осталась в его полном распоряжении.

Он замер в центре, молча опустив голову на три секунды, а затем вскинул взгляд. В то же мгновение зазвучала музыка. Недавно скромный и мягкий человек моментально преобразился. В этом импровизированном танце каждое движение тела идеально попадало в бит, а движения конечностей выдавали уверенность и отсутствие суеты.

— Это слишком круто, неужели правда импровизация?

— Я думал, это нормально — ошибаться, когда слышишь трек в первый раз.

— Объявляю: с этой секунды мой кумир сменился. Господин Цзян действительно невероятно силен.

Для самого Цзян Муцяня это не было сложной задачей. Учитывая, какое значение придавала ему компания, агент прислал ему тему еще неделю назад. Он лишь слегка подкорректировал свои старые заготовки, и этого хватило, чтобы привести всех в восторг.

Как и ожидалось, после окончания танца зал взорвался овациями. Стажеры были так возбуждены, что хлопали до покраснения ладоней, а их лица пылали от восторга.

— Каждое движение точно в ритм. Господин Цзян, за такое короткое время — это просто пугающее мастерство, — Цзян Цзиньни приложил руку ко лбу.

Цзян Муцянь, слегка запыхавшись, ответил:

— Я постоянно практикуюсь. С того дня, как дебютировал несколько лет назад, я не позволял себе расслабиться.

Эти слова лишь добавили ему симпатии в глазах окружающих. Кто не полюбит того, кто настолько талантлив, усерден, да еще и красив с мягким характером?

— Бог мой, ты великолепен!

— Господин Цзян — лучший, я тебя обожаю!

— Вау-у! — Все дружно обернулись на источник звука. Ведущий, неспешно поднявшись на сцену, прокомментировал:

— Похоже, после выхода этого эпизода господин Цзян обзаведется армией фанатов среди парней.

Цзян Муцянь рассмеялся:

— Видимо, так оно и будет!

Линь Цинжань на протяжении всего выступления не проронил ни слова. Однако, если бы соперник рассчитывал выехать за счет такого уровня мастерства, чтобы подвинуть его, это было бы, мягко говоря, неубедительно.

— Хорошо, господин Цзян, отдохните немного, а мы приглашаем всех насладиться выступлением, которое подготовил господин Линь.

На полутемной сцене луч света лег на профиль Линь Цинжана. Несмотря на то что зрители морально подготовились, присутствующие в зале, включая тех, кто следил за прямой трансляцией, были ошеломлены его красотой.

Ведущий ждал, пока тот скажет пару слов, но увидел, как Линь Цинжань поднял левую руку и слегка развел указательный и средний пальцы. Это был сигнал. Как только указательный палец поджался, музыка резко ударила по ушам.

Человек, который мгновение назад не выражал никаких эмоций, внезапно ожил. Тело пришло в движение, и каждый такт, каждое движение рук попадали точно в кадр. Лишь когда завершилась первая часть, зал наконец пришел в себя.

Он продолжал танцевать, сменив стиль. В каждом движении — ритмика, контроль, взрывная

сила и безупречное владение темпом — чувствовалась самая суть танца.

Только к третьей части наставники в зале начали что-то понимать. Цзян Цзиньби склонился к сидящему рядом Чжай Гуанси, переспрашивая о чем-то, затем к ним подался Хань Чжэ. Спустя мгновение лица всех троих стали предельно серьезными.

Выступление перешло в четвертую часть. Взгляд Линь Цинжана внезапно изменился. Теперь он был полон меланхолии, движения стали медленнее. Казалось, он растерян, изранен и хрупок — своим танцем он затягивал всех в собственный мир.

Музыка сменилась. Пока зрители еще тонули в этом подавленном настроении, выражение лица танцора начало теплеть. Он двигался легко, сделал эффектный переворот — и вся сцена превратилась в его личную игровую площадку. Мешковатая футболка и строгие брюки лишь подчеркивали стройные конечности и мощь его тела.

Сложные акробатические элементы и замирания в воздухе заставляли сердца замирать от восторга. Музыка затихала, и финальный прогиб на коленях поставил точку в этом выступлении. Запрокинутая шея, полуприкрытые глаза — он казался существом не от мира сего.

Он стоял под светом софитов, а в зале долгое время царила тишина.

Наконец Чжай Гуанси поднялся и первым начал аплодировать. Зрители, словно очнувшись от наваждения, подхватили порыв. В этот миг они забыли обо всех сплетнях в сети — неистовые аплодисменты и крики восторга были данью этому потрясающему выступлению.

Сяо Вэй в первом ряду прослезился.

Режиссер Чэнь чувствовал, как бешено колотится сердце: всё, успех, завтрашние тренды в соцсетях обеспечены.

Замершая было лента комментариев взорвалась:

[Брат! Брат! Брат! Буду поддерживать тебя вечно, это было просто невероятно! Фанатеть от тебя — лучшее решение в моей жизни!]

[Как же это мощно! А теперь вылезайте все те подонки, что клеветали на моего кумира, получайте по заслугам!]

[Что это за лицо? Что это за талия? Что это за ноги? Я умер, я окончательно умер!]

...

Конечно, не все могли оценить этот танец по достоинству — хейтеры всегда найдут повод для яда:

[Опять началось бездумное восхваление, что за ерунду он танцевал? Ничего не понятно.]

[Похоже, репетировал заранее. Пересмотрел его старые выступления — смотреть тошно.]

[Фанатки, вы хоть что-то поняли? Вы ведь небось на лицо пялились, или на талию?]

[Как бы хорошо он ни танцевал, это не отменяет факта, что он мусор!!!]

Линь Цинжань наслаждался моментом. Он давно не танцевал так легко и вдохновенно. Но сколько бы времени ни прошло, сцена всегда оставалась его стихией.

<http://bllate.org/book/27054/3264721>